

Уважаемые читатели!

Статья «Сквоттерские поселения в Сибири: ничейная земля и право на город (на примере «нахаловок», г. Улан-Удэ)», подготовленная в соавторстве доктором социологических наук, профессором, действительным членом Российской Академии социальных наук, Заслуженным деятелем науки РБ Ц.Ц. Чойроповым и научным сотрудником Казанского федерального университета Н.И. Карбаиновым, опубликованная в журнале «Вестник угроведения» № 3 (14) 2013, снята по требованию Н.И. Карбаинова, как оказавшегося, не дававшего своего согласия на соавторство и публикацию.

Редакция журнала «Вестник угроведения» приносит свои извинения Николаю Ивановичу Карбаинову и читателям за доставленные неудобства.

УДК 141.32

Н.Н. Карпицкий

**Философские формы выражения
женской экзистенциальной позиции**

Аннотация. Экзистенциальная позиция формируется в свободном самоопределении на основе особой интуиции. Женская экзистенциальная позиция фиксируется в современной художественной и философской литературе. Женская экзистенциальная позиция обнаруживается в интуиции различать важное и не важное, интуитивном знании духовных практик, особом отношении к смерти и чувстве красоты.

Ключевые слова: экзистенциальная позиция, интуиция, андрогин, смерть, красота, архетип первозданной женщины.

N.N. Karpitsky

**Philosophical forms of expression of the women's
existential position**

Summary. The existential position is formed in free self-determination on the basis of a special intuition. The women's existential position is fixed in the modern fiction and philosophical literature. The women's existential position is found in the intuition to discern between important and not important, in intuitive knowledge of spiritual practices, in special attitude to death and sense of beauty.

Key words: existential position, intuition, androgen, death, beauty, pristine woman archetype

Экзистенциальная позиция – это такое отношение к жизни, к себе, другим и миру в целом, которое раскрывается в ценностном самоопределении и мироощущении. Она обнаруживается не только в философских трактатах, но и в произведениях искусства, мифах, духовных практиках и в повседневной жизни. Выражение этой позиции в культурной традиции раскрывается в многообразии культурного опыта. Женская экзистенциальная позиция открывает от-

ношение к жизни с такой стороны, которая не до конца понятна с позиции мужчины, однако это различие определено не столько социальными ролями между мужчиной и женщиной, сколько различной способностью воспринимать мир в чувственном и ценностно-значимостном аспектах.

В китайской традиции непонятность женского мироощущения с позиции мужчины ассоциировалась с такими качествами Инь, как темное, пассивное, неустойчи-

вое, четное и т.д., в противовес активному, светлому, устойчивому характеру Ян. Гармония Ян и Инь выражала интуитивное стремление к целостности, которой мужчина сам по себе еще не обладал. Это стремление обнаруживается и в других культурах. Например, в индийской традиции за мужским аспектом божества обнаруживалось другое, женское, начало (Шива и Кали, Криша и Радха). Женский аспект воспринимался как инаковость сущности мужчины. Эта инаковость непонятна, и потому пугающа. Очень часто в попытках мужчины подчеркнуть свою значимость и самоутвердиться перед женщиной выражается именно этот страх. Отпечаток этого страха можно проследить в гностических текстах, отрицающих ценность материального мира, который София – женская сторона вечного зона – сотворила по ошибке без своего мужского аспекта. Ощущение опасности и, как следствие, неприятие женского начала характерно и для многих дуалистических ересей, с которыми всегда боролось христианство. Вечную женственность мира начинают воспевать поэты-символисты серебряного века, а в русской религиозной философии вечная женственность открылась уже в положительном аспекте, а именно в образе Софии – Премудрости Божией. Но, несмотря на то, что с первого явления Софии Владимиру Соловьеву прошло около полутора сотен лет, вопрос о Софии в христианстве все еще остается открытым.

В истории культуры женское мироощущение выражалось большей частью через искусство и мифологию, однако в философских и религиозных традициях женское мировосприятие чаще всего раскрывается извне, т.е. с точки зрения мужчины. Поскольку человек всегда склонен воспринимать произведения искусства в контексте собственного мировосприятия, только философия дает ему общезначимые методы, позволяющие понять жизненный мир другого человека. Именно поэтому необходимо обратиться к философской фиксации женского отношения к жизни, т.е. женской экзистенциальной позиции. Философская фиксация не обязательно выражается в форме философских трактатов, подобных

тем, какие писали Кант или Гегель. В настоящее время мы встречаем ее и в художественной литературе, и в психологических исследованиях, и в историко-культурных работах по литературе, мифологии или духовным практикам. В той мере, в какой в них фиксируется целостный взгляд на мир с иной, нежели мужская, позиции, мы можем говорить о формирующейся традиции экзистенциальной философии, выражающей женское отношение к жизни, отдельные идеи которой можно здесь попытаться представить.

1. Интуитивная способность андрогина. В книге «Левая рука тьмы» Урсула Ле Гуин [1] описала общество андрогинов, способных в период половой активности произвольно приобретать женскую или мужскую форму, но при этом большую часть времени остающихся асексуальными. В этом произведении Ле Гуин вводит понятие «нусутх», раскрывающее специфическое чувство жизни андрогина: «Здесь шла глубокая «интровертная» жизнь – вполне самодостаточная, чуточку застойная; ханддараты были погружены в то самое, воспеваемое ими, особое «неведение», которое является следствием неактивности и невмешательства. Основное правило подобного поведения прекрасно выражено их излюбленным словом «нусутх», которое приблизительно можно перевести выражением «все равно» или «неважно». Слово это – краеугольный камень культа Ханддара, и я не стану притворяться, что хотя бы отчасти понял его».

Описывая тонкости душевной жизни андрогина, Ле Гуин сумела избежать редукции как к мужскому, так и к женскому восприятию, в которых нусутх не может иметь столь принципиального значения. Мужчина погружен в социальную сферу, в которой для него чрезвычайно важна борьба за иерархию. Поэтому он не воспринимает самооценку личностных отношений. Не то чтобы он считал их неважными, скорее он просто их не видит. Женщина придает принципиальное значение личностной сфере, при этом равнодушна к социальной форме жизни. Андрогин же воспринимает жизнь и как женщина, и как мужчина, и

вместе с тем способен переоценивать один уровень восприятия с позиции другого. Вот это двойное восприятие и определяет нусутх как экзистенциал, раскрывающий отношение к собственному существованию. Андрогин способен замечать каждую сферу жизни в ее конкретности и мелочах, он не игнорирует ее содержание, чувствует значимость, но вместе с тем всегда может взглянуть на нее с другой позиции, с которой всё становится «нусутх». Нусутх – это когда понимаешь, что в жизни нет ничего, что могло бы быть целью, ради которой стоит пожертвовать другим конкретным проявлением жизни, даже самым малым. Нусутх – это когда нет суеты, нет озабоченности, нет места страху – достигнешь ли чего-либо или потеряешь. Просто пребывай в настоящем, не в фантазиях, не в ожиданиях, а в конкретности здесь и сейчас – в этом сущность нусутх.

Описывая нусутх как интуитивную способность андрогина, Урсула Ле Гуин тем самым пытается обратиться к своей первичной интуитивной способности, не прибегая к банальной дихотомии, противопоставляющей женское и мужское. Ведь всякий раз, когда мы пытаемся понять женский аспект в сопоставлении с мужским началом, мы фиксируем не само по себе женское мироощущение, но лишь женское мироощущение внутри мужской картины мира. Многие женщины по мере социальной адаптации к мужскому миру именно так и начинают себя воспринимать, однако такое восприятие не является первичным опытом, так как оно сформировано под влиянием внешних социальных факторов. Чтобы поставить вопрос о первичном интуитивном знании женщины, то есть о том знании, которым она обладает изначально и которое постепенно утрачивает, принимая на себя роль женщины в мужском обществе, нужно выйти за пределы этой дихотомии, подобно тому, как это сделала Урсула Ле Гуин, описывая фантастическое общество андрогинов. Однако такой подход может реализовать лишь сам носитель женской интуиции. С позиции автора, воспринимającego женское мироощущение со стороны, через литературные и философ-

ские тексты, подобное сделать невозможно. Поэтому при дальнейшем изложении, так или иначе, специфика женского мироощущения все равно будет показываться в сравнении с мужским пониманием.

2. Интуиция распознавания важного и неважного. Нусутх представляется проявлением главной интуитивной способности женщины – распознавания важного и неважного. Наиболее важным является то, что относится к первичному опыту жизни. Все, что надстраивается над этим опытом – социальные отношения, общественные идеи, формы времяпрепровождения, азартные и спортивные игры и т.д., – менее важно. Мужчина также легко забывает обо всем важном для себя в момент сильных либидозных переживаний или фантазий совершенно аналогично тому, как он забывает обо всем важном, когда с азартом смотрит футбол, играет в шахматы или даже просто читает газету. Однако трудно представить, чтобы женщина точно также отдавалась какому-либо занятию, забывая то, что для нее по-настоящему важно. Благодаря этой способности чему-либо полностью отдаваться, забывая о важном, мужчина может добиваться в какой-либо частной области очень высоких успехов, подобно тому, как Ньютон отдался физике, а Кант философии. Но такого рода самоотдача не характерна для ценностного мировосприятия женщины.

К первичному опыту жизни относится сфера внутренней психической жизни и сфера личностного общения. Экзистенциальная направленность женщины на расширение сферы личностного бытия обеспечивает ей интуитивное чувство большей свободы как некоего преимущества над мужчиной. Мужчина же ориентирован на достижение определенного положения в социальной иерархии, в силу чего он очень часто чувствует превосходство над женщиной совсем в другой сфере, а именно, социальной.

Ориентация женщины на внутреннюю психическую жизнь позволяет ей в совершенстве научиться владеть эмоциональной сферой. Хотя мужчина и женщина могут быть в равной степени эмоциональными, женщина умеет дифференцировать свои

эмоции и понимать их. Это позволяет ей не забывать себя и то, что по-настоящему важно, сколь бы сильными ни были эмоциональные потрясения. У мужчины эмоциональная сфера очень часто дика и неупорядочена. Он может многого достичь, находясь в определенном эмоциональном состоянии, но стоит этому состоянию измениться, и он полностью утрачивает контроль над собой. Поэтому мужчине нужно время от времени подавлять свои эмоции, женщина же в таком подавлении не нуждается. Благодаря этому преимуществу женщина может господствовать над мужчиной в личностной сфере, не давая ему этого почувствовать. При этом мужчина, привыкший оценивать отношения по социальным критериям, может искренне находиться в заблуждении, что именно он доминирует в отношениях с женщиной.

Мужчина не может соперничать с женщиной в личностной сфере уже потому, что вынужден с раннего детства растрчивать все свои силы на борьбу за положение в социальной иерархии. Поскольку женский опыт ближе к опыту детства, можно было бы предположить, что социальная ориентация мужчины вызвана деформацией мировосприятия в подростковый период в связи с либидозной ориентацией на фантазию. Если для мужчины фантазия является важным фактором либидозной стимуляции, а воплощение фантазии в реальности может привести к утрате либидозного интереса, то женскую либидозность стимулирует развитие именно личностных отношений. Тем не менее, ориентация на иерархию у мальчиков обнаруживается намного раньше подросткового возраста, что заставляет искать причину ориентации на социальную иерархию в чем-то другом, хотя, безусловно, заикленность мужчины на фантазиях является важным фактором формирования суррогатного мироописания, структурирующего социальную сферу.

3. Интуитивное знание духовных практик. Поскольку мужчина очень часто не умеет отличать экзистенциально важное от всего прочего, как это делает женщина, чтобы вернуться к своему первичному опыту, ему необходимо развивать духовные практики.

Женщина изначально обладает знанием экзистенциально важного, поэтому она интуитивно владеет такими практиками, даже не подозревая о глубине связанных с ними духовных традиций. В женщине природная интуиция раскрывается беспрепятственно, сообщая ей такие знания, которые мужчина приобретает в результате долгой духовной работы. Однако, поскольку женщине эти знания даются без труда, она очень часто не задумывается об их подлинной ценности и порой отказывается от них, вынуждаемая к этому общественными нормами и требованиями, сформированными на основе мужских стереотипов. В этом случае женскую интуицию можно сравнить с человеком, который от рождения умел плавать, но не стал развивать свой дар, так как родственники заставили его заниматься чем-то другим. Соответственно, духовные знания мужчины можно сравнить с человеком, который плавать не умел, но, потратив много сил и времени, стал хорошим пловцом.

Женщины изначально обладают интуитивным знанием, которого мужчины достигают только благодаря длительному развитию духовных традиций. В частности, практика карма-йоги, данная как результат многовекового развития брахманизма, для женщины является настолько привычной и повседневной, что она даже не замечает в этом ничего особенного. Например, стремление прибраться в доме может означать наведение порядка в душе. Женщина способна видеть самодостаточность не только в практике уборки дома, но и в других своих повседневных делах. Поэтому К. Эстес увидела в самом процессе работы женщины в огороде тайну рождения и умирания: «Меня всегда поражает то, как женщины любят копать в земле. Они сажают луковицы весенних цветов. Они погружают испачканные пальцы в жирную землю, пересаживая остро пахнущую помидорную рассаду. Мне кажется, они пытаются докопаться до старухи, которой два миллиона лет» [2, 45]. Подобно тому, как карма-йога является духовной практикой, которая лежит в основе древнейшей религии, работа в саду для женщины тоже имеет религиозный смысл приобщения к подлинной

реальности: «Можно даже сказать, что есть религия сада... Сад – это практика медитации, которая позволяет нам уловить момент, когда для чего-то приходит пора умирать. В саду можно видеть время созревания и отмирания. В саду мы следуем вдохам и выдохам великой Дикой Природы, а не сопротивляемся им. Благодаря медитации мы узнаем, что цикл Жизни-Смерти-Жизни носит естественный характер. И природа дарования жизни, и природа отнятия жизни ждут вашей дружбы и вечной любви. В этом процессе мы усваиваем цикличность дикой природы» [2, 105].

Эта подлинная реальность, по мнению К. Эстес, обнаруживается как реализация женского архетипа. «В соответствии с юнгианским подходом К. Эстес интерпретирует психологическую самореализацию женщины как приобщение ее индивидуальности к женскому архетипу. Она описывает возвращение женщине ее душевного здоровья как возвращение к ее изначальной природе – первозданной женщине» [3, 175]. В карма-йоге путь освобождения состоит в незаинтересованном деянии, т.е. деянии, совершаемом не ради достижения какой-то цели, а исключительно на внутреннем чувстве долга, благодаря которому каждый поступок осознается как самоценный. Методом самореализации женщины «является «творческое деяние», под которым понимается любое действие, идущее из глубины души, обоснованное исключительно ее потребностями и не вынужденное ничем извне. Это может быть как занятие любыми видами искусства, ремесла или рукоделия, так и вполне обыденные, считающиеся женскими, занятия и даже общественная деятельность» [3, 175]. Как считает Г.М. Тарнапольская, этот метод схож с карма-йогой в том, что «главной целью действия является вовсе не получение результата, хотя деятель и должен сделать все возможное для его достижения. Единственный имеющий значение результат как карма-йоги, так и женской творческой деятельности – «подростание души», «обретение сущности», «просветление» и «слияние с божеством», т.е. выражаясь психоаналитически –

индивидуация» [3, 175]. Правильность деяния определяет внутренняя интуиция. В соответствии с Бхагавад-гитой это религиозная интуиция имманентного присутствия божества в человеческой душе, а для женщины, по мнению К. Эстес, это изначально заложенное в собственной самости архетипическое знание «первозданной женщины».

Однако, как отмечает Г.М. Тарнапольская: «Практикующий карма-йогу нацелен на достижение некоего принципиально нового состояния – состояния свободы от повседневной суеты, принуждения обстоятельствами и прорыва к трансцендентному. Именно поэтому карма-йога воспринимается как путь, открывающий возможность особых духовных достижений. Для женщины же практика, которую тоже можно истолковать как карма-йогу, является не путем достижения особого и нового духовного состояния, а путем возвращения к себе как к первично-очевидному, подлинному бытию, каким оно должно быть. Именно поэтому женщина воспринимает карма-йогу не как особую духовную практику, а как свое естественное состояние, а жизненную суету со всеми проблемами и заботами – как уход от себя в неподлинное, отклонение от естественного состояния жизни» [3, 177]. Этим объясняется, почему женщины не только не заявляют об особом значении собственной духовной практики, но и очень часто вообще не выделяют ее среди прочих явлений своей повседневной жизни [4, 285].

4. Женская интуиция смерти. Другой стороной женского экзистенциального отношения к жизни является особое восприятие смерти. В философии и духовных традициях памятование о смерти использовалось как особый метод самопознания. Этот метод становится доступным на определенной ступени духовного развития и при этом требует способности к рефлексии. Однако женщина, как показывает К. Эстес, владеет этим методом еще на дорефлексивном уровне. Женщина не нуждается в понимании ценности смерти или постоянном памятовании о своей смертности, поскольку она изначально, на интуитивном уровне, умеет лично умирать и возрождаться.

Девушка может сильно страдать при расставании с любимым человеком, но, расставшись, она отказывается от прошлого, меняя свою внешность, прическу. Это символизирует смерть ее старой личности и рождение новой. Когда парень, вновь возвращаясь к ней, взывает к ее старым чувствам, то с удивлением обнаруживает совершенно нового человека, для которого их совместное прошлое уже не имеет значения.

Традиционно в философии жизнь по отношению к смерти понималась ретроспективно, как такое предстояние перед концом, которое заставляет переосмыслить предшествующее смерти содержание жизни. К. Эстес обнаруживает характерное для женщины «перспективное» понимание смерти, определенное архетипом «первозданной женщины»: жизнь – то новое, что возникает благодаря смерти. Смерть стирает все то, что ей предшествовало, очищая место для возрождения жизни.

Ценностное восприятие смерти в философской традиции можно было бы свести к принципу: «Представь, что это твой последний день. Все иллюзорные привязанности исчезают, и ты чувствуешь свободу от них, переживаешь катарсис, возвращаясь к своему подлинному бытию». Однако в женском мировосприятии действителен противоположный принцип: «Представь, что ты уже умер, и все закончилось. Получи оставшуюся жизнь просто так в награду, и, став свободным от прошлого, просто живи!».

На протяжении всей истории мировой философии смерть выступает как ценность, позволяющая переосмыслить содержание жизни. Встреча со смертью разоблачает иллюзорные ценности и возвращает к подлинному существованию. Смерть понимается как конечность бытия, умирание личности, умирание определенного состояния жизни. Конечность и необратимость смерти обесценивает жизнь. Негативное понимание ценности смерти связано с обесцениванием самого экзистенциального содержания личности. Однако возможно и позитивное истолкование этого обесценивания, когда речь идет об обесценивании человеческих иллюзий,

суетности, социальных стереотипов, открывающем подлинное существование человека. И то, и другое понимание связано с общим истолкованием смерти как конечности. Таким образом, смерть позволяет переосмыслить то, что ей предшествует, однако отрицая при этом все, что за ней следует.

Понимание смерти в женском мировосприятии принципиально иное. Оно не просто отличается от конкретного вида ценностного истолкования смерти – позитивного или негативного, оно принципиально отлично вообще от всех традиционных для истории философии способов осмысления смерти. В женском восприятии смерть оценивается не с позиции прошлого, но с позиции будущего. Смерть – это условие и подготовка нового рождения. В этом плане ценность смерти необходима не для переоценки старого, а для возникновения нового. Женщина позволяет старому умереть окончательно – тому, что должно умереть, надо позволить умереть. Только через это раскрывается подлинное самопознание и самореализация своей истинной природы. Если в традиционном историко-культурном или философском понимании смерть это такое отрицание будущего, которое побуждает переоценить прошлое, то в женском мироощущении, напротив, смерть отрицает прошлое, позволяя по-новому жить в будущем.

К. Эстес приходит к выводу, что самость женщины содержит в себе архетипический смысл смерти. В соответствии с этим архетипом понимание смерти можно распространить как на природные процессы (циклы смены поколений, рождение и умирание в природе), так и на психологические, связанные с перерождением личности. Это понимание отличается от негативного мужского понимания смерти как финала, конца, завершения, и предполагает позитивное понимание смерти как очищения, подготовки к рождению нового. При этом смерть воспринимается не как что-то внешнее жизни, но как имманентное ей; в этом качестве оно усваивается женской природой, позволяя ей раскрываться в циклах смены жизни и смерти. Цикличность жизни-смерти-жизни

раскрывает самость женщины постепенно, в соответствии с этапами перерождения личности. Каждый этап связан с достижением женщиной подлинного самосознания и реализацией своей природы [2, 107]. В этом плане перспективное понимание смерти может быть истолковано как инициация женской личности.

5. Стремление нравиться и ощущение жизни. В женском экзистенциальном отношении к жизни стремление жить и чувствовать себя живой связано с формированием сферы именно личностных, а не социальных отношений. Когда человек чувствует, что кому-то нравится, он начинает ощущать себя через другого человека, и это многократно усиливает его ощущение жизни. Конечно, стремиться нравиться можно по-разному. Ощущение жизни определяется именно бескорыстной формой этого стремления, не связанной ни с повышением самооценки, ни с привязанностью к внешнему образу себя, ни с ориентацией на личную выгоду. Такое бескорыстное стремление нравиться проявляется, например, в обращении музыканта или актера к своей аудитории. Но в соответствии с женским мировосприятием такое стремление бессмысленно в отделенном от сферы личностных отношений социальном пространстве.

Ощущение жизни в стремлении нравиться проявляется в жизненном опыте женщины очень конкретно и определяет ценностные приоритеты отношения к жизни. Трудно найти такую женщину, которая согласится пожертвовать своей красотой ради того, чтобы, скажем, стать президентом, ибо ее красота – это форма продолжения ее существования в жизненных мирах других людей. По сравнению с этим властные отношения представляются социальными условностями, с которыми приходится считаться, но ради которых не стоит жертвовать чем-то личным.

Стремление нравиться реализуется в чувстве присутствия себя для другого человека, своего «во-площения» (т.е. присутствия «во плоти») в его внутреннем жизненном мире. Ощущение жизни начинает усиливаться от чувства того, что живешь

не только в своем жизненном мире, но и в мире других людей. Благодаря этому между жизненными мирами образуется онтологическая связь, на основе которой устанавливаются подлинные межличностные отношения. По сравнению с ними социальные, иерархические, статусные отношения представляются чем-то условным.

Утрату ощущения жизни приходится чем-то компенсировать. В мире мужчин она компенсируется усилением собственной значимости в социальном пространстве, что вынуждает вести изнурительную борьбу за свое место в социальной иерархии. Эта борьба начинается у мальчиков с детсадовского возраста: приходится заучивать много правил, как правильно дразниться, каким способом самоутверждаться за счет других, чтобы в группе не оказаться аутсайдером и маргиналом. С вступлением во взрослую жизнь число подобных условностей возрастает, и чем выше человек поднимается в социальной иерархии, тем меньше у него остается степеней свободы. На каком-то этапе он вообще перестает воспринимать личностные отношения с другими людьми, даже самыми близкими. Есть много семей, в которых мужчина не разговаривает с женой о чем-либо личном или «просто так», и не потому, что не хочет, а потому, что это ему в голову не приходит. В данном случае сфера подлинного личностного бытия окончательно вытесняется суррогатной социальной реальностью, и тогда это становится нормой отношений между людьми.

Женщина, как и мужчина, может оказаться в плену этой суррогатной социальной реальности, но чувство собственной красоты способно вернуть ее к первичному подлинному ощущению бытия. Чувство собственной красоты выражает онтологическую интуицию подлинности, которая «удостоверяет как реальность окружающего мира, так и подлинность человеческой экзистенции – первичного личностного существования, в котором субъект полагает и удостоверяет себя как себя» [5, 10].

Красота становится одной из женских сил, которыми выстраивается собственное

личностное пространство. В этом плане женщине важно нравиться другим, но намного важнее нравиться себе, так как быть красивой для женщины – это способ ее экзистенции. «Когда мы признаём свою дикую красоту, она отступает на задний план, и мы больше не уделяем ей пристального внимания, но и не расстаемся с ней и не отрезаемся от нее. Разве знает волчица, как она красива в прыжке? Разве знает кошка, какие изящные позы она принимает? Разве птица приходит в восторг от звука, который она слышит, распуская крылья? Учась у них, мы просто поступаем так, как подсказывает нам наша истинная природа, и не пугаемся своей естественной красоты, не скрываем ее. Как и все живое, мы просто существуем. И это правильно» [2, 190]. В таком понимании ощущение собственной красоты является формой ощущения жизни. Чувствуя это, женщина никогда не согласится променять свою красоту на социальный статус. Мужчина, для которого красота отделена от ощущения жизни и имеет функциональное значение, легко откажется от нее ради приобретения социального статуса, который более функционален в условиях борьбы за положение в социальной иерархии.

6. Чувство красоты. Красоту можно определить как выражение внутреннего во внешнем. Если внешность человека ничего не выражает, но черты лица красивы, то это уже не красота, а ее подделка – прелесть. Поэтому красота обнажает внутреннее человека, раскрывает для других жизнь его души. Безобразное не принадлежит человеку – это внешнее препятствие, которое накладывается на тело и мешает видеть внутреннее. Эмпирически безобразное может сливаться с телом человека, однако онтологически – это разные явления. Как и одежда, безобразное скрывает внутреннее человека. Подлинная красота обретается путем преодоления внешних препятствий (т.е. безобразного), которые накладываются на лицо и тело. Обретение подлинной красоты раскрывается в соответствии с самореализацией личности. Красота как подлинное выражение позволяет воспринимать тело

человека как символ его внутренней жизни. Как считает Г.М. Тарнапольская, удостоверяющая подлинное выражение вовне «онтологическая интуиция сопутствует восприятию символа. Онтологическим выражением человека вовне является его тело. Человек воспринимает свое тело не просто как одну из принадлежащих ему вещей, а как непосредственное воплощение и выражение себя самого» [5, 10].

Некоторым красота дана от природы, в этом случае внешние препятствия для видения внутреннего минимизированы. Однако большинство людей не готовы к тому, чтобы обнажить свое внутреннее содержание души в красоте. Ведь красота, обнажая внутреннее, обнажает и спрятанные внутри человека несовершенства, страсти и дурные наклонности. Когда благодаря красоте обнажаются внутренние отталкивающие качества, возникает шок. В этом случае человек либо испытывает смятение от противоречивых чувств, либо смещает восприятие только на внешнее проявление красоты, т.е. воспринимает красоту как прелесть. Именно поэтому, чтобы скрыть внутреннее безобразие, человеку легче жить во внешне безобразном теле.

Этим вызван стыд не только некрасивого, но и красивого тела. Безобразность тела объективируется, превращается в одежду тела (иногда так легче). Красота тела обнажает душу, что не должно быть выставляемо напоказ для первого встречного, так как в этом случае значимость выражения внутреннего в теле будет низведена до профанного состояния в случайной ситуации. Как писал Ж.-П. Сартр: «В самом деле, ведь причина моей тревоги и моего стыда в том, что я воспринимаю и ощущаю себя в своем бытии-для-другого как нечто такое, через что другой всегда может перешагнуть в стремлении к чему-то иному, – как простой объект оценочного суждения, простое средство, простое орудие». [6, 14].

Отсюда следует, что стремление выразиться в красоте тесно связано со стремлением расширить личностную сферу, в которой значимость выражения души в теле не будет профанироваться. Однако возможны

два способа существования: расширение личностной сферы реализуется через 1) красоту и 2) борьбу за иерархию в социальном пространстве, предполагающую сокрытие внутреннего. Второй способ существования более характерен для мужчины, и он легче осуществим для того, кто собственной красоты не чувствует. Поэтому мужчины редко расстраиваются по поводу отсутствия собственной красоты, а порой даже гордятся этим. Женщины в большей степени ориентированы на расширение личностной сферы, и поэтому красота для них – способ существования; мужчины же в большей степени ориентированы на борьбу за положение в социальной иерархии, и потому склонны обезображивать себя.

7. Одежда как форма присутствия в социальном бытии. В отличие от мужчины, женщина умеет дифференцировать красоту как способ присутствия в разных сферах. Этой задаче подчинено и умение одеваться, как способ телесного самовыражения в социальном бытии. В отличие от женщины, мужчина воспринимает одежду функционально: одежда нужна либо для защиты от холода, либо для сокрытия естественных несовершенств, дабы не раздражать окружающих. Благодаря умению дифференцировать красоту в соответствии со способом своего присутствия женщина свободнее в одежде, чем мужчина. Женщина может носить одежду любого покроя и типа, а мужчина этого не может. Современный классический мужской костюм весьма нелеп, причем с течением времени он практически не изменяется, за исключением некоторых деталей. Такая консервативная привязанность к столь нелепому типу одежды связана со столь же навязчивой привязанностью мужчины к социальной иерархии. Женщина же свободна от этого, и потому одевается намного более разнообразно. Если мужчина переступает границы даже незначительно, он сразу утрачивает свой иерархический статус, что для него катастрофично. Поэтому он вынужден максимально формализовать свою одежду, стараясь соответствовать общепринятому стандарту. Женщина видит в одежде такие

тонкости, которые мужчина не замечает, например, чем отличается вечернее платье от утреннего. Когда женщина пытается по-новому выразить себя в одежде, мужчина очень часто этого не понимает.

Примером полного непонимания женской интуиции вследствие приписывания женщине собственных вульгарных представлений служит ханжеское осуждение со стороны некоторых мужчин женской декоративной косметики. Осуждая красящих ресницы или губы женщин, мужчины тем самым выдают свою непомерную гордыню, полагая, что женщины это делают исключительно ради них. В действительности косметика выполняет ту же функцию, что и одежда, определяет форму присутствия в социальном пространстве, позволяя занять в нем свое место так, чтобы не потерять себя и не слиться с чуждыми себе силами, иначе говоря, занять свое место в общем порядке окружающего мира. Порядок – это космос, и занимая свое место в социальном мире благодаря определенной одежде и косметике, женщина осознает естественную включенность в космос как миропорядок всех вещей и явлений, который нет смысла нарушать борьбой за какое-то особое свое положение в социальной иерархии.

Если одежда позволяет быть частью общего миропорядка, то ухаживание за одеждой становится ритуалом наведения порядка внутри своей души. В частности, К. Эстес понимает стирку одежды как «извечный ритуал очищения. И он предназначен не только для очищения: как и крещение, стирка подразумевает пропитывание, наполнение духовностью, высшей силой, тайной. В сказке стирка – самая первая задача. Ее смысл – снова придать форму тому, что растянулось от носки. Ведь одежда – вроде нас самих: наши принципы и ценности все больше изнашиваются, пока со временем совсем не утрачивают форму. Такое обновление, оживление происходит в воде, когда мы заново обнаруживаем то, что действительно считаем истинным, священным» [2, 101].

В итоге. Умение различать важное и неважное, отношение к повседневному

труду как духовной практике, приоритет личностных отношений над отношениями социальными, перспективное понимание смерти и связанное с ощущением жизни чувство красоты являются формами женского экзистенциального отношения к жизни. Однако следует избегать произвольных обобщений, утверждая, что все женщины имеют или должны иметь именно такое отношение к жизни. В действительности экзистенциальное отношение формируется в свободном самоопределении и не может

быть детерминировано полом. Речь идет совсем о другом, а именно о том, что все люди разные и занимают в жизни разные позиции. Женщина естественным путем обнаруживает такое свое место в жизни, с позиции которого становится виднее и понятнее что-то такое, для понимания чего мужчине требуется длительная духовная работа. Это и позволяет говорить об особой женской интуиции или «архетипе первозданной женщины», формирующей женское экзистенциальное отношение к жизни.

Литература

1. Ле Гуин У. Левая рука Тьмы. М.: Радуга, 1992. 384 с.
2. Эстес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. Киев: «София», М.: ИД «Гелиос», 2001. 496 с.
3. Тарнапольская Г.М. Отношение к смерти и практика самореализации в Махабхарате с позиции юнгианского психоанализа // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 4 (24). – С. 173-177.
4. Тарнапольская Г.М. Карма-йога в Бхагвад-гите в контексте психоаналитических исследований К. Эстес // Бхагвад-гита в истории и в современном обществе: материалы V Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск: Изд. ТПУ, 2012. С. 280-285.
5. Тарнапольская Г.М. Философские основания онтологической интуиции подлинности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Том 8. Вып. 1. С. 9-14.
6. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 207-228.

References

1. Le Guin U. The Left Hand of Darkness. M: Rainbow, 1992. 384 p.
2. Estes K.P. Women who run with the wolves. Myths and stories of the wild woman archetype. Kiev: «Sofia», M: publishing house «Gelios», 2001. 496 p.
3. Tarnapolska G.M. Attitude toward death and the practice of self-realization in the Mahabharata from the position of psychoanalysis K.G. Jung // Bulletin of the Tomsk state University. History. 2013. №4 (24). С. 173-177.
4. Tarnapolska G.M. Karma yoga in the Bhagwad Gita in the context of psychoanalytic studies K. Estes // Bhagavad-Gita in history and in modern society: materials of the 5 all-Russian scientific conference with international participation. Tomsk: Izd. TPU, 2012. P. 280-285.
5. Tarnapolska G.M. Philosophical foundations of ontological intuition of genuine // Bulletin of the Novosibirsk state University. Series: Philosophy. Volume 8. V.1. 2010. With. 9-14.
6. Sartre, Jean-P. Primary relationship to another: love, language, masochism // the Problem of man in Western philosophy. M: Progress, 1988. P. 207-228.